

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ДВОРЯНСТВА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. В СЕМЕЙНОЙ ПЕРЕПИСКЕ ДЕМИДОВЫХ

В статье исследуется усадебный быт, домашняя обстановка и взаимоотношения внутри конкретной дворянской семьи на протяжении нескольких лет, рассматриваются вопросы воспитания и образования, занятия музыкой и рукоделием, чтение и комплектование домашней библиотеки и др. Статья вводит в научный оборот ценный исторический источник — эпистолярное наследие нижегородских дворян Демидовых, типичной провинциальной дворянской семьи России дореформенного периода.

К л ю ч е в ы е с л о в а: провинциальное дворянство; дворянская усадьба; дворянский быт; дворянская семья; усадебная культура; помещики Демидовы; Нижегородская губерния.

Изучение проблем истории повседневности, как и тема русской дворянской усадьбы в ее историческом развитии — относительно новое направление в российской историографии. В советский период эта тема ограничивалась в основном изучением истории дворянского землевладения и крепостничества. Наметившийся поворот современных исследователей в сторону наименее изученных вопросов, посвященных проблемам дворянских усадеб, истории повседневной жизни их обитателей как неотъемлемой части истории российской провинции, позволяет говорить о новом открытии дворянской культуры [см.: Русская усадьба; Мир русской усадьбы; Дворянская... усадьба; Охлябинин; Марченко; Белова; Пушкарева; и др.]. При этом следует отметить отрядный факт увеличения интереса к изучению истории дворянства на региональном уровне, включая публикации новых документальных материалов [см., например: Повседневная жизнь...] и наличие целого ряда диссертационных исследований по данной тематике [см., напр., по региону Поволжья: Сизова; Дементьева; Платонова; Михайлова; и др.].

Предлагаемая статья не претендует на теоретическое осмысление места и роли дворянской семьи в жизни российской провинции, но дает хороший документальный материал и новые возможности для таких размышлений и обобщений. В ней рассказывается об отдельной дворянской семье, на протяжении более ста лет проживавшей в своем родовом имении, расположенном в Нижегородской губернии. Члены этой семьи являются потомками Прокофия Акинфиевича Демидова, представителя знаменитой фамилии уральских предпринимателей и промышленников. В основе статьи лежит богатый эпистолярный комплекс нижегородских Демидовых, являющийся, несомненно, уникальным историческим источником и по своему объему (выявлено несколько сотен писем), и по полноте и сохранности, и по общей информативности. Собственно, речь может идти сразу о нескольких комплексах, т. к. выявленные письма относятся к представителям разных поколений этой большой семьи и охватывают значительный хронологический период с начала XIX до начала XX в. В рамках данной статьи

будет представлена наиболее полная и связанная между собой участниками семейной переписки часть этого эпистолярного наследия, относящаяся к 1820–1840-м гг., но и она использована лишь фрагментарно, в частности, пока остаются непереуверенными письма, написанные на французском языке.

Письма позволяют раскрыть усадебный быт, домашнюю обстановку, семейную жизнь и взаимоотношения не только внутри конкретной дворянской семьи, но и отношения ее членов с соседями, крестьянами, друзьями и многочисленными «столичными» родственниками, в них можно найти сведения о взаимоотношениях помещиков с уездной и губернской администрацией, их участия и роли в общественной жизни региона. В представляемых ниже письмах мы ограничимся темами, в которых затрагиваются вопросы воспитания и образования, занятия музыкой и рукоделием, чтение и комплектование домашней библиотеки, а также вопросы благоустройства барского дома и территории усадьбы.

В силу ряда причин нижегородские Демидовы не унаследовали несметных богатств рода, имели по несколько сотен крепостных, неплодородные земли. Так, один из них, внук Прокофия Демидова, капитан-лейтенант Василий Львович более 60 лет своей жизни прожил в имении Быковка Васильского (позднее Васильсурского) уезда, доставшемся ему после смерти отца. Именно он и члены его семьи предстают перед нами через их письма друг другу. Сначала скажем несколько слов об истории нижегородской Быковки. Это небогатое село было куплено еще Акинфием Демидовым в 1736 г., который сам в нем, конечно, не жил, да к тому же многих крепостных крестьян из него вывез постепенно на свои уральские заводы. Генеральное межевание и перепись 1784 г. показали, что село пришло в полный упадок, крестьяне обнищали, доход от поместья был мизерный, т. к. сельское хозяйство велось примитивно, было непродуктивным [Еремин, с. 36–37].

Спасением для Быковки стал приезд и поселение в ней В. Л. Демидова, личности яркой и незаурядной. Закончив морской кадетский корпус, он в 1787–1797 гг. служил на Балтийском и Черноморском флотах лейтенантом, но был «отставлен от службы... за болезнями» (видимо, вследствие ранения), после чего вернулся в 1798 г. в свое родовое имение Быковку уже навсегда [ЦАНО, ф. 639, оп. 125, д. 7582, л. 21]. Здесь он сразу же серьезно занялся хозяйством: правильно начал с расчистки пашни, вырубив для этого леса, ввел трехпольную систему земледелия, внедрил мало распространенный в те времена картофель, по его распоряжению сеялись кормовые растения, развивалось животноводство, были разбиты прекрасные сады и огороды.

В «Историческом очерке Васильсурского уезда...», написанном внуком В. Л. Демидова, говорилось, что со временем «хозяйство Василия Львовича было доведено до... совершенства», а для знакомства с ним приезжал даже директор Петровской академии «и был в восторге от него» [Демидов, с. 61]. Позволим себе еще одну цитату из этого очерка, важную для понимания уровня достатка семьи: «Домоводство Василия Львовича отличалось замечательной организацией и порядком: погреба, наполненные солением, вареньем, молочными продуктами; подполы, наполненные фруктами, кореньями, водками, наливками и травинками

своего приготовления; кладовые засыпаны сладостями и пряностями, наконец, сундуки, заваленные холстами, скатертями своего тканья — все это представляло картину необыкновенного довольства и достатка, но достатка разумного», без излишней роскоши. Автор очерка приводит одно характерное высказывание В. Л. Демидова: «Узы семейств возрождают естественно желание собственности и заставляют уважать ее... *а не более*», видя в последних трех словах «весь смысл и характер жизни Василия Львовича», расчетливость которого «заставляла его считать каждую копейку», но одновременно выявляла «широкую и... чрезвычайно чуткую натуру ко всему изящному» [Там же]. Показателем роста благосостояния владельца Быковки является факт увеличения количества крепостных крестьян (вместе с селом Сарайки того же уезда) с 418 в 1815 г. до 831 в 1845 г. [ЦАНО, ф. 639, оп. 124, д. 1892, л. 84; д. 3894, л. 119 об.].

В. Л. Демидов был женат на бывшей своей крепостной, Неонилле Ивановне, которую отпустил на волю, имея от нее уже четверых детей (всех позднее узаконил), а затем определил в мещанское звание. После женитьбы у них родилось еще 7 детей, но выжили, по-видимому, не все [о нижегородских Демидовых см.: Краснова]. Прожил Василий Львович более 90 лет, умер накануне отмены крепостного права в 1861 г. Главная его заслуга состояла в том, что он превратил Быковку в подлинное родовое гнездо Демидовых, создал крепкую дружную семью, в которой на протяжении нескольких поколений царил атмосфера любви, понимания и взаимной поддержки. Всем своим детям Василий Львович дал образование: сначала домашнее, а затем специальное. Три старшие дочери — Екатерина, Прасковья (Полина) и Мария — учились в Московском училище св. Екатерины (с 1818 по 1822 гг.), выйдя замуж, первая жила в Нижнем Новгороде, а ее сестры — в соседних с Быковкой помещичьих имениях Загарино и Анастасово. Сыновья Александр и Аркадий окончили Институт корпуса инженеров путей сообщения в Петербурге. Николай и младший Павел учиться не смогли, первый по состоянию здоровья (служил в Пермском строительном отряде), второй по его желанию был определен на военную службу. В конечном итоге все сыновья вышли в отставку, женились и занялись помещичьим хозяйством.

В течение продолжительного времени члены большой семьи В. Л. Демидова находились вдали друг от друга, поэтому все они регулярно обменивались между собой письмами. Обратимся к этой переписке и начнем с темы усадьбы. Надо заметить, что с самого начала, поселившись в Быковке, Демидов наметил и последовательно воплощал план постройки всего села: оно строилось в параллельные улицы, засаживалось деревьями, сами улицы регулярно подметались. Барский дом окружал фруктовый сад с оранжереей, где выращивались сливы, абрикосы, персики и виноград. В письмах тема, связанная со строительством и благоустройством дома, территории вокруг него, сада, хозяйственных построек, церковных зданий и прочего, неизменно волновала всех его обитателей, даже по мере того, как они поочередно покидали усадьбу, налаживая уже собственный семейный быт. Но и живя вне своей родной Быковки, дети Василия Львовича неизменно стремились в нее, это было желанное место для их встреч, общения, совместных праздников, сюда они привозили своих детей, сюда приезжали их общие друзья.

Сам Василий Львович постоянно заботился о благоустройстве родового гнезда, думая о том, чтобы оно было притягательным для всей семьи, тщательно готовил его к приезду детей, а затем и внуков.

Строительством нового усадебного дома и двух каменных церквей — зимней Знамения Богородицы и летней Рождества Христова, строившихся в одно время, Василий Львович начал активно заниматься с конца 1820-х гг. О начале строительства летней («холодной») церкви В. Л. Демидов напоминал в одном из писем Александру: «при закладке ее ты был, помнится, и работал, заложив целой кирпич...», из чего следует, что церковь была заложена еще до отъезда старшего сына на учебу в Петербург, т. е. не позднее лета 1827 г. Сообщая через три года сыну о состоявшемся 12 июля 1830 г. «при большом стечении народа» освящении церкви, Василий Львович не без гордости писал о том, что она «вышла столь во всех частях хороша, как я и не надеялся» [ОР РНБ, ф. 451, оп. 1, д. 1323, л. 50, 54]. Не случайно современный исследователь усадебной архитектуры Быковки называет эту церковь «интересным образцом постройки эпохи классицизма» и дает ей высокую оценку: «объемно-пространственная композиция объекта, степень выдержанности классических канонов, красота пропорций возведенного храма гораздо выше уровня провинциальных построек» [Кагоров, с. 107–108].

Строительство господского дома затянулось дольше, чем церковных зданий, только весной 1831 г. начались отделочные работы. Сестры Полина и Мария писали тогда брату Александру: «папінька порядил красить в доме стены, полы и прочее, для чего с Фотиной недели (пятая неделя после Пасхи. — Е. П.) мы будем жить во флигеле, ужасная скука... Мебель из красного дерева для гостиной делает нанятой столяр...» [ОР РНБ, ф. 451, оп. 1, д. 1323, л. 64–65]. О том же писал в июне весьма довольный успехом строительства Василий Львович: «у нас... дела кое-как идут, а между полевыми и дом отделывают малярного и клеевого работами. Сии мастера вытурили нас жить во флигель, но мы не токмо не теснимся, но и гостей принимаем с довольным их успокоиванием...» [Там же, л. 69–69 об.]. И только через полгода Полина смогла написать брату: «15 генваря мы перешли жить в вновь отделанный наш дом, он, конечно, не удивителен, но так чист, опрятен, тепл и по-деревенски красив, что ни у кого здесь подобного нет. Отделка стен и вообще масляная работа прекрасна...» Далее продолжает по-французски: «Вас не будет более ужасать наша прежняя мебель, поскольку ее заменили весьма миленькой из красного дерева, обитой штофом в гостиной желтым, а в спальней зеленым...» [Там же, д. 1318, л. 30; пер. З. А. Малометовой].

Закончив строительство господского дома, хозяйственных построек (об этом, например, фраза из письма 17 июля 1833 г.: «...по изветшалости мельницы ивановской, она перестраивается и чрез неделю совсем готова будет...» [Там же, д. 1323, л. 139]), Василий Львович занялся благоустройством территории усадьбы. Судя по письмам, с июня 1833 г. им буквально завладела новая страсть: идея создания прудов, один — для стерлядей и лещей, второй — для налимов, окуней и карасей, в письмах к Александру он подробно описывал их устройство, будущие контуры, делал рисунки с указанием размеров. Уже к сентябрю первый пруд («нижний»), расположенный недалеко от Сытного ключа, был закончен, и сразу Василий

Львович делится с сыном новой задумкой: рядом с прудом, «из выходной воды сделать купальню, а близ ее платомойку» — и, радуясь своей идее, заключает: «кажется, будет прекрасно». В том же письме В. Л. Демидов пишет: «с некоторого времени я становлюсь ко всему равнодушен или ничто из домашних заведений меня достаточно не занимает, но пруды, будущее сажание рыб и другие, сей части отношения, ныне с ума свели, чему я очень рад и до того помешался, что нанял рыть другой прудок, да уже хочется и третьего, если место позволит...» [ОР РНБ, ф. 451, оп. 1, д. 1323, л. 146 об.]. В мае 1834 г. сестра Полина пишет в Петербург: «Быковка год от года более и более украшается, в ней роются три пруда прекрасные, строятся купальни и платомойка. Это всех нас восхищает, папинуку занимает и утешает, всякой день он там...» [Там же, л. 180]. Из писем ясно, что и спустя годы в летние месяцы замужние сестры с удовольствием приезжали купаться в купальне, где их дети учились плавать. В сентябре 1835 г. Мария Демидова пишет брату: «в приятности [мы] проводим дни дома, беспрестанно гуляем, пруды наши уже все наполнены рыбой стерлядями, коих всего 12 000 и прочей некоторой рыбой...» И заканчивает словами: «дорога в Василь проложена по пряслу над прудами, оттуда вид великолепный, мы нередко ходим любоваться Быковкою даже с гостями...» [Там же, д. 1318, л. 137].

Как уже говорилось, тема обустройства усадьбы занимала всех членов семьи, даже если они находились далеко от нее. Александр Демидов, живя в Петербурге, часто просил в письмах: «напишите мне... о быковских прудах, стерлядях, фонтане и проч.», а получив эти сведения, отвечал: «с большим удовольствием... читал я описание наших быковских прудов, т. е. как они накапливались, накопились и потом как вода пошла чрез фонтан, купальню и т. д...» [Там же, д. 1314, л. 3 об., 4 об.]. Стремясь внести свою лепту в благоустройство, если не территории усадьбы, то хотя бы самого дома, Александр время от времени присылал в Быковку подарки для него. За один из таких подарков — портрет адмирала Мордвинова — его благодарил Василий Львович («приятной мне твой гостинец» — в письме от 30 октября 1833 г.), правда, сокрушаясь при этом, что портрету «не отыскалось в доме... места, кроме [как] в алькове спальни, против зеркала, но это место ево не достойно...» [Там же]. Письмо позволяет представить, что в гостиной быковского дома находился портрет почитаемой всеми дворянами императрицы Екатерины II. Василию Львовичу казалось вполне уместно поместить рядом с ним портрет Мордвинова, но это нарушило бы симметрию. Поэтому Демидов просил Александра заказать дополнительно парные портреты — двух адмиралов, под началом которых он участвовал в Русско-турецкой компании 1787–1791 гг. и называл их поэтому своими «благодетелями», — того же Н. С. Мордвинова и Д. Н. Сенявина. Демидов наказывал сыну найти «хорошего копейиста» в Академии художеств: «закажи списать масляными красками на парусине, на подрамках одинаковой меры, кои были бы в вышину от 10 вершков, хоть и более, как мастеру ловчее ...» [Там же]. Главное при этом, объяснял Василий Львович, чтобы они были «сходнейшие и хорошей кисти... в позициях одинаковых... и оба в мундирах и орденах», и тогда он с радостью будет готов поместить их в «гостиную около великой государыни» [Там же]. За оба портрета Демидов «назначал» от 80 до 100 рублей,

но с характерной для него оговоркой: «...если дешевле не согласятся, почему нужды нет и поторгуйся...» [ОР РНБ, ф. 451, оп. 1, д. 1323, л. 151 об.].

Через год Василий Львович решил снова пополнить портретную галерею, о чем писал сыну: «купи и пришли гравированные портреты государя и государыни» [Там же, л. 197 об.], т. е. Николая I и Александры Федоровны. Висел в быковском доме и еще один живописный портрет — самого Александра, присланный им в подарок родителям. По этому случаю Василий Львович, слегка озадаченный изображением сына, заметил ему: «теперь любимся портретом, ты смотришь львом свирепым, проглотившим аршин, или как собаку съел, молодец!» [Там же, л. 70]. Позднее к этому портрету прибавились портреты младших братьев, о чем читаем в письме Александра отцу: «...я весьма радуюсь, что братнины гостинцы — портреты — доставили Вам удовольствие и что Вы ими украсили стену в спальней. Про портреты Аркадия и Павлика можно только сказать, что они похожи, но Николинкин сделан с удивительным сходством! Жаль, что этот глухонемой живописец не имеет вкуса в отделке и все его портреты выходят очень плоски, безжизненны, несмотря на тщательную отделку и сходство в mine. Впрочем, ведь портрет стоит 50 рублей, кто согласится снимать за такую безделицу? А другие берут 100, 150 и 200 р.» [Там же, д. 1314, л. 34].

У Василия Львовича сложились особые отношения со старшим сыном, которого он учил жизни, поведению в обществе, воспитывал в строгости и бережливости, но не скупости. Его письма к Александру насыщены нравоучениями, общими нравственными и житейскими пожеланиями, но в то же время в них много конкретных и полезных наставлений и советов, скажем, в отношении того, как обращаться к старшим по званию, о чем с ними говорить, когда и как часто следует наносить визиты родственникам, какие делать им подарки и т. п. Надо признать, что для молодого человека, приехавшего в столицу из провинции, эти советы были весьма полезны, и письма показывают, что Александр дорожил ими, старался им следовать, неизменно являя собой пример безупречного поведения и послушания. Не случайно Василий Львович доверял ему младших братьев, посылая тех по мере взросления в Петербург. Кроме того, Александр постоянно выполнял поручения отца и сестер, делая для них покупки, отдавая что-нибудь в ремонт (например, часы, сапоги), узнавая по их просьбам цены, новости, передавая кому-то письма, посылки и пр.

Приведем несколько примеров. Вот отрывок из письма старшей сестры, Катерины Веселовской, Александру (январь 1836 г.): «...в свободное время сходи в английской магазин и узнай, что будут стоять хорошие бирюзовые и коральковые серги, обделанные в золоте, без бриллиантов и браслеты золотые с эмалью, которые надеваются на середину руки, чтобы поддерживать длинные перчатки. Говорят, что такие же вещи продаются у Антонио в Миллионной гораздо дешевле, нежели в английском магазине, то нельзя ли посмотреть и у него и хотя пятью строчками меня об этом уведомить. Я пришлю тебе денег и попрошу тебя купить и мне с почтою прислать...» [Там же, д. 1318, л. 147 об.].

Письма другой сестры, Марии, свидетельствуют о той заметной роли, которую играла в семье Демидовых музыка. Все ее члены получили домашнее музыкальное

образование, все умели играть на фортепиано, а Александр, кроме того, играл на виолончели. В январе 1834 г. Мария просит брата заказать ей рояль за 2 тыс. руб. и при этом наказывает: «...да навдайся сперва, будет ли уметь обыкновенный настройщик (каковые у нас здесь в деревнях) оный рояль настраивать... Ты так меня прельстил им, что я теперь же от моего будущего рояля в восхищении». Далее она сокрушается по поводу отсутствия в деревне музыкантов: «как жаль, что я совсем не имею случая не только продолжить научиться на фортепиано, ни даже слышать хороших игроков. Но вот тебя жду, когда ты приедешь к нам летом, тогда я буду пользоваться твоими уроками, которые, верно, мне более охоты придадут заниматься музыкой...» Письмо заканчивается обычными просьбами купить для нее ноты или прислать свои «хоть на время»: «я спишу и опять тебе... возвращу...» [ОР РНБ, ф. 451, оп. 1, д. 1318, л. 93]. Та же Мария пишет 7 июля 1836 г.: «...Из присланных тобою мне нот я выучила три польских мазурки, которые мне нравятся, теперь начну кадрили из Fenella (из оперы французского композитора Д. Обера. — *Е. П.*), кажется, она хорошая. Не заметно, чтобы рояль мой переменялся... также хорош и аккуратно настраивается чрез два месяца тем же настройщиком, которому ты показывал, как его настраивать...» [Там же, л. 165 об.].

Когда в мае 1832 г. умерла его мать, Александр заказывал для нее по просьбе отца гранитный памятник в Петербурге, при этом все размеры и надписи для памятника были сделаны самим Василием Львовичем, всю жизнь горячо любившим свою жену. Часто отец просил сына купить табак, струны и костяное масло для часов, однажды попросил заказать на казенном стекольном заводе стаканы по размерам и форме, с надписями. Нередко из Быковки приходили Александру целые списки того, что следовало купить в столице, при этом не просто купить, но найти и выбрать с учетом тех пожеланий, которые высказывали домашние. Скажем, в одном из писем (от 6 февраля 1833 г.) при перечислении вещей для покупки давались следующие указания: «подсвечничек маленькой бронзовый с колпачком, только без чернильницы, очень недорогой (но не игрушку)», «колокольчиков бронзовых, очень маленьких, хорошо бы необыкновенной формы», «раковинки на бронзовых ножках хрустальных, цвета красно-сердоликового или белого, или зеленого, или другого какого-либо, или что сему подобное», «перочников из белой кожи тесненных», пресс-папье — «presje-papiers с бронзовыми ручками», «печатку на железе для Марии с немецкой буквой М, только хорошего почерка», «пряжку бронзовую не дороже 10 руб.». И здесь же совсем неясно, с расчетом на вкус и понимание Александра: «что-нибудь бронзовое или фарфоровое, или хрустальное, придумай и поищи, чтоб обе не дороже 201 р.» [Там же, д. 1323, л. 108].

Члены семьи В. Л. Демидова были воспитаны в любви и уважении к книге. В быковской усадьбе имела богатая библиотека, на комплектование которой Василий Львович не жалел средств. Так, в 1836 г. он выслал сыну в Петербург 250 руб. на приобретение более десятка наименований книг, среди которых указал, например, недавно вышедшую «Историю Пугачевского бунта» А. С. Пушкина. Александр не только покупал книги для отца и других членов семьи по их заказам, но, следя в Петербурге за книжными новинками, давал советы в отношении их

приобретения. При этом и Александр, и его сестры после замужества формировали свои собственные книжные собрания [подробно о библиотеке см.: Пирогова].

Можно предположить, что у Василия Львовича в Быковке, кроме библиотеки, имелась коллекция медалей, об этом вскользь упоминается в одном из писем Александра Демидова: «я на днях, может быть, достану медаль, выбитую по случаю открытия монумента покойному государю Александру I и пришлю оную к вам для приобщения к имеющимся у вас разным медалям...» [ОР РНБ, ф. 451, оп. 1, д. 1314, л. 3 об.].

В письмах, кроме просьб о нотах и книгах, часты просьбы о покупке украшений, духов, часов, бритв, детских игрушек и шерсти. Шерсти («как можно пухлее и мягче») чаще других просит купить Мария, любившая заниматься рукоделием. Она писала брату: «Я вышила себе табурет шерстью и хочется отделать его в ореховое дерево, чтоб подходил он к роялю, у нас совершенно негде заказать, почему и прошу тебя узнать, что будет стоить в Петербурге хорошего мастера и дерева, однако ж самой простой, без резьбы, лишь бы фасон и работа были хороши, и если это мне покажется сходно, то я с почтой к тебе шитье перешлю, ты закажешь, а зимой с okazji его к нам перешлешь...» [Там же, д. 1318, л. 138]. Нередко Мария вязала вещи и для любимого брата, в одном из писем читаем: «Я начала тебе вязать чубук турецким узором, полосатой, голубой с белым, я надеюсь кончить его к отъезду Нертовских (соседи и друзья Демидовых. — Е. П.), чтоб с ними его к тебе послать». Продолжение письма свидетельствует о том, насколько велико было желание сестры сделать подарок Александру приятным: «...а шарф, что я тебе вязала, вышел пренегодный, я его оставила для себя, а тебе начала голубой, не знаю, понравится ли тебе этот цвет, напиши мне, или хочешь, то пунцовой или какой другой, я бы тебе желала связать по вкусу...» [Там же, л. 50 об.].

Кстати сказать, из писем следует, что сестры сами шили белье братьям и посылали им в Петербург рубашки, носки, платки, полотенца, простыни, одеяла и т. п. Та же Мария, к примеру, просила братьев составить список необходимого и добавляла: «я бы изготовила зимой». Перед своим замужеством она снова обращается из Быковки к брату в Петербург: «Прошу тебя... купить мне маленькой флакон для духов, что носят дамы на цепочках на шее...», но просит предварительно узнать у знакомых «где и какие продаются», а купив, переслать с okazji или «с почтою». И тут же добавляет: «да, кстати, купи еще мне флакон небольшой простой только чтобы в нем духи были самые лучшие, какие можно найти и вместе с тем шейным флакончиком, хорошо уложив, пришли мне, постарайся, чтобы маленькой флакончик был покрасивее... а о деньгах напиши, сколько тебе прислать...» [Там же, л. 150]. В другом письме Мария просит брата купить «поднос папье-маше на 6 чашек чайных хорошенькой» для сестры «Катиньки» [Там же, л. 145 об.].

В заключение хочется особо остановиться на теме взаимоотношений в семье Демидовых. Эти отношения невольно вызывают чувство восхищения той добротой и искренностью, которыми они были пронизаны. В основе их лежало общее почтение и уважение к главе семьи, Василию Львовичу, личности, по-видимому, незаурядной. Слово отца было непререкаемым для детей, они были убеждены

в разумности и правильности любых его решений. Даже если они заставляли взрослых уже детей поступиться личными интересами, те находили в себе силы принять их, понимая, что общие семейные интересы должны быть превыше всего. Так было, например, в случае с отсрочкой женитьбы Александра на время обучения младших братьев. Интересно, что в этом случае доводы в пользу строгой позиции отца приводила брату его старшая сестра Полина и она сумела убедить Александра.

Василий Львович любил своих детей, волновался за их судьбу, переживал неудачи, гордился успехами. Воспитывал в строгости и воздержании, но и баловал время от времени, любил делать подарки. Катерина Веселовская писала Александру в октябре 1832 г.: «папинька подарил Пашиньке в день ее рождения денег на четверместную карету и поручил Павлу Алексеевичу (Веселовскому, мужу Катерины. — *Е. П.*) купить здесь у кого-нибудь. Поль нашел у Анны Андреевны очень хорошую, купленную лет 8 тому назад в Москве, они в ней почти не ездили... отдал ее перекрасить и она будет совершенно новая и все это будет стоить 1700 руб.» [ОР РНБ, ф. 451, оп. 1, д. 1318, л. 42 об.]. Часто Василий Львович посылал дополнительные деньги сыновьям в Петербург на «депансы», оплачивал уроки музыки Александра, верховой езды — Павла. Это при том, что само обучение детей давалось ему недешево.

Очень теплые дружные отношения наблюдались между сестрами и братьями, они скучали друг без друга. Мария писала брату по случаю замужества Полины: «...я скоро осиротею в друге Пашиньке, она будет жить за 100 верст от меня, как бы знал, как эта мысль меня мучает, что я должна буду с нею расстаться» [Там же, л. 57 об.]. Сама Полина в письме к «милому Сашеньке» признавалась: «...мне приятно говорить с тобою и чрез переписку, что и тебе, конечно, не противно, потому что нас любишь, а еще более потому, что есть добрый наш брат и друг...» Или в другом письме: «Пиши ко мне, милой друг, твои письма для меня лакомство, они дышат искренностию и дружбою столь для нас бесценными» [Там же, л. 107 об.].

Представленные письма раскрывают небольшой период из жизни семьи нижегородского помещика В. Л. Демидова. Они позволяют лучше узнать о том, как строилась и развивалась Быковка, одна из многих нижегородских дворянских усадеб того времени, как жили, чем интересовались ее обитатели, как складывались их взаимоотношения. Письма свидетельствуют о том, что Демидовы живо интересовались всем, что происходило в обеих столицах, читали и обсуждали книжные и театральные новости (из писем Александра Демидова), сестры интересовались модой, а Василий Львович, например, новыми правительственными указами, касающимися земельной собственности.

На страницах писем можно найти сведения о жизни и других помещиков — соседей, знакомых, друзей Демидовых. Можно узнать, например, что нижегородские помещики хорошо разбирались в ценах на продукты сельского хозяйства на местных ярмарках, иногда обменивались между собой этими сведениями, иногда, напротив, скрывали их друг от друга. Понятно, что ярмарочная тема волновала всех, ведь от того, насколько прибыльно будет продано зерно, зависел доход помещичьих семей, а значит, и возможность новых покупок. Рамки одной статьи не позволяют раскрыть все темы, затрагиваемые в семейной переписке

Демидовых, приведенные примеры позволяют представить лишь отдельные картины помещичьего быта и жизни типичной провинциальной дворянской семьи России того времени.

Белова А. В. «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII — середины XIX в. СПб., 2010. [Belova A. V. «Chetyre vozrasta zhenshiny»: Povsednevnaja zhizn' russkoj provincial'noj dvorjanki XVIII — serediny XIX v. SPb., 2010.]

Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв. Исторические очерки. М., 2001. [Dvorjanskaja i kupecheskaja sel'skaja usad'ba v Rossii XVI–XX vv. Istoricheskie ocherki. M., 2001.]

Деметьева Е. Ю. Провинциальное дворянство Среднего Поволжья первой половины XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Липецк, 2001. [Dement'eva E. Ju. Provincial'noe dvorjanstvo Srednego Povolzh'ja pervoj poloviny XIX v.: dis. ... kand. ist. nauk. Lipeck, 2001.]

Демидов Н. Исторический очерк Васильсурского уезда Нижегородской губернии. Н. Новгород, 1884. [Demidov N. Istoricheskij ocherk Vasil'surskogo uezda Nizhegorodskoj gubernii. N. Novgorod, 1884.]

Еремин М. Земля Воротынская. Нижний Новгород, 1998. [Eremin M. Zemlja Vorotynskaja. Nizhnij Novgorod, 1998.]

Кагоров В. М. Этапы формирования помещичьих усадеб периода XVIII–XIX вв. в Нижегородском имении Демидовых Быковка // III Музейные научные чтения «Мир русской усадьбы»: сб. материалов. Н. Новгород, 2007. С. 107–108. [Kagorov V. M. Jetapy formirovanija pomeshhich'ih usadeb perioda XVIII–XIX vv. v Nizhegorodskom imenii Demidovyh Bykovka // III Muzejnye nauchnye chtenija «Mir russkoj usad'by»: sb. materialov. N. Novgorod, 2007. S. 107–108.]

Краснова Е. И. Такие разные Демидовы: сб. ст. СПб., 2007. С. 54–61. [Krasnova E. I. Takie raznye Demidovy: sb. st. SPb., 2007. S. 54–61.]

Марченко Н. А. Быт и нравы пушкинского времени. СПб., 2005. [Marchenko N. A. Byt i нравы pushkinskogo vremeni. SPb., 2005.]

Мир русской усадьбы. Очерки. М., 1995. [Mir russkoj usad'by. Ocherki. M., 1995.]

Михайлова М. А. Модернизация дворянской усадьбы во второй половине XIX — начале XX века: на материалах «образцовых» хозяйств Верхневолжского региона: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Иван. гос. ун-т. Иваново, 2009. [Mihajlova M. A. Modernizacija dvorjanskoj usad'by vo vtoroj polovine XIX — nachale XX veka: na materialah «obrazcovyh» hozjajstv Verhnevolzhskogo regiona: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk / Ivan. gos. un-t. Ivanovo, 2009.]

ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 1. Д. 1314, 1318, 1323. [ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 1. Д. 1314, 1318, 1323.]

Охлябинин С. Повседневная жизнь русской усадьбы XIX в. М., 2006. [Ohljabinin S. Povsednevnaja zhizn' russkoj usad'by XIX v. M., 2006.]

Пирогова Е. П. Книга в дворянской усадьбе Нижегородской губернии в первой половине XIX столетия (на примере семьи Демидовых) // «...И календарь осьмого года...»: материалы науч.-практ. конф. «Библиотека в усадьбе» (24–28 апреля 2013 г.): [сб. ст.]. Сельцо Михайловское, 2013. (Сер. «Михайловская пушкиниана»; вып. 61). С. 156–170. [Pirogova E. P. Kniga v dvorjanskoj usad'be Nizhegorodskoj gubernii v pervoj polovine XIX stoletija (na primere sem'i Demidovyh) // «...I kalendar' os'mogo goda...»: materialy nauch.-prakt. konf. «Biblioteka v usad'be» (24–28 aprelja 2013 g.): [sb. st.]. Sel'co Mihajlovskoe, 2013. (Ser. «Mihajlovskaja pushkiniana»; vyp. 61). S. 156–170.]

Платонова Т. В. Провинциальное дворянство в конце XVIII — первой половине XIX века (по материалам Саратовской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2002. [Platonova T. V. Provincial'noe dvorjanstvo v konce XVIII — pervoj polovine XIX veka (po materialam Saratovskoj gubernii): dis. ... kand. ist. nauk. Saratov, 2002.]

Повседневная жизнь провинциального имения: Дневник слуги уральских помещиков Голубцовых. 1872–1875 гг. / предисл., подгот. текста и коммент. М. Б. Ларионовой; науч. ред. Н. В. Суржикова. Екатеринбург, 2013. [Povsednevnaja zhizn' provincial'nogo imenija: Dnevnik

slugi ural'skih pomeshhikov Golubcovyh. 1872–1875 gg. / predisl., podgot. teksta i komment. M. B. Larionovoj ; nauch. red. N. V. Surzhikova. Ekaterinburg, 2013.]

Пушкарёва Н. Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М., 1997. [Pushkareva N. L. Chastnaja zhizn' russkoj zhenshhiny: nevesta, zhena, ljubovnica (X – nachalo XIX v.). М., 1997.]

Русская усадьба. Сборник общества изучения русской усадьбы. М., 1994–2011. Вып. 1 (17). Вып. 16 (32). [Russkaja usad'ba. Sbornik obshhestva izuchenija russkoj usad'by. М., 1994–2011. Вып. 1 (17). Вып. 16 (32).]

Сизова О. В. Дворянство Ярославской губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1999. [Sizova O. V. Dvorjanstvo Jaroslavskoj gubernii v konce XVIII – pervoj polovine XIX vv. : dis. ... kand. ist. nauk. Jaroslavl', 1999.]

ЦАНО. Ф. 639. Оп. 124. Д. 1892, 3894; Оп. 125. Д. 7582. [CANO. F. 639. Op. 124. D. 1892, 3894; Op. 125. D. 7582.]

Статья поступила в редакцию 23.09.2014 г.

УДК 94(470.54) + 279.99 + 82-97

Ю. В. Клюкина-Боровик

ПОСЛАНИЕ ЗАУРАЛЬСКОГО НАСТАВНИКА СТАРООБРЯДЦЕВ-ЧАСОВЕННЫХ О ВРЕМЕНАХ, ПРАВАХ И ПОКАЯНИИ В КОНЦЕ 1920-х гг.

В статье показаны возможности влияния религиозных лидеров на жизнь паствы путем создания нравоучительных посланий частного характера в период наступления на систему духовных авторитетов и ослабления традиционных устоев в первое десятилетие советской власти. Основным источником является оригинальное сочинение 1929 г. — письмо наставника общины старообрядцев часовенного согласия в Камышловском районе Свердловской области, хранящееся в фонде Древлехранилища Лаборатории археографических исследований УрФУ.

Автор приходит к выводу о том, что послание наставника сочетает в себе черты частного письма и произведения нравоучительного характера, в котором традиционная для христианской литературы тема покаяния раскрывается с учетом особенностей переживаемого времени и отдельно взятой частной ситуации. Сопровождающая статью публикация текста письма вводит в научный оборот источник, важный для понимания особенностей путей сохранения традиций религиозной культуры в советское время.

К л ю ч е в ы е с л о в а: история Урала; старообрядчество; часовенное согласие; духовная литература; нравоучительные послания.

На протяжении 1920-х гг. изменения в нормах поведения и системе ценностей в крестьянской среде происходили гораздо более стремительно, чем в предреволюционное время [Миронов, т. 2, с. 337–349; Крестьянские истории]. При этом, по замечанию этнографа Д. Золотарева, «...многие основы современных норм жизни не дошли до сознания народной деревенской массы, вырабатывающей в процессе усвоения нового иные, чем прежде, бытовые навыки... Вот почему